

Какъ Зола писалъ романы. Послѣ неожиданной, трагической смерти своего мужа вдова Зола всѣ замѣтки, весь литературный матеріалъ, относящійся къ напечатаннымъ его произведеніямъ, принесла въ даръ Парижской Національной Библіотекѣ. Это литературное наслѣдіе поражаетъ своими громадными размѣрами: всѣ черновые наброски, замѣтки составили ни болѣе, ни менѣе какъ 90 томовъ! Такое обиліе матеріала показываетъ, какой гигантскій трудъ долженъ былъ выполнить писатель, прежде чѣмъ его романы увидѣли свѣтъ Божій.

Въ творчествѣ своемъ Зола отрицалъ всякое вліяніе поэзіи, въ своихъ произведеніяхъ онъ хотѣлъ быть только ученымъ, изслѣдователемъ, но никакъ не поэтомъ. Онъ поставилъ себѣ задачу показать жизнь такую, какъ она есть въ дѣйствительности. Фантазія, воображеніе; т. е. способность представить себѣ несуществующее, выдуманное такъ наглядно, такъ выпукло, чтобы съ этой придуманной картины можно было прямо списывать, казалась ему совершенно ненужной. Это было необходимо для его предшественниковъ: хорошо для Евгенія Сю, находившаго нѣкогда наслажденіе въ писаніи романовъ, гдѣ радостное смѣшивалось съ ужаснымъ; хорошо для Бальзака, которому приходилось немало помучиться для того, чтобы заставить работать свое воображеніе, хорошо для Жоржъ-Зандъ, которой, наоборотъ, надо было только сѣсть передъ чистымъ листомъ бумаги, чтобы сейчасъ же почувствовать въ себѣ вдохновеніе, каждый новый романъ начинавшей почти безъ плана, безъ приготовленій, подчиняясь вдохновенію минуты, продолжавшей писать его до тѣхъ поръ, пока перо не выпадало у нея изъ рукъ.

Совсѣмъ иное былъ Зола; ни о какой фантазіи онъ и слышать не хотѣлъ... «Жизнь должна сама говорить за себя!». Эти 90 томовъ краснорѣчиво показываютъ, какъ Зола заставлялъ говорить жизнь. Анри Масси изучилъ эту необъятную гору рукописнаго матеріала и въ недавно выпущенной небольшой книжечкѣ рассказываетъ, какъ великій романистъ собиралъ необходимый для его цѣли матеріалъ, подробности, мельчайшія детали и немедленно записывалъ ихъ себѣ.

Въ высшей степени замѣчательно, что въ этихъ незамѣтныхъ поискахъ, въ этой подземной работѣ Зола никогда не упускалъ изъ вида поставленной себѣ цѣли. Еще молодому человѣку, 28-ми лѣтъ, ему зашла мысль рассказать исторію одного семейства, какъ она должна была развиваться фізіологически и логически во времена 2-ой имперіи. При этомъ онъ твердо рѣшилъ, что исторія должна состоять изъ 20-ти томовъ, всѣ съ связи между собою, и каждый томъ долженъ представлять самостоятельное цѣлое, но по существу всѣ составляютъ содержаніе отдѣльныхъ частей. Анри Масси приводитъ планъ всего произведенія, и нужно удивляться, какъ мало было измѣненій въ его выполненіи. Зола ни разу не уклонялся съ однажды намѣченнаго пути. Уже вначалѣ онъ заноситъ себѣ такія частности, которыя понадобятся ему, быть можетъ, только въ шестой или седьмой книгѣ. Жервеза, жена пьяницы Купо, сама въ концѣ концовъ становится алкоголикомъ. Объ этомъ рассказывается въ седьмомъ томѣ серіи, въ «l'Assomoir» 'ѣ, но, не начиная еще и перваго, Зола уже знаетъ, что эта Жервеза ребенкомъ получала иногда отъ матери вмѣсто лакомства рюмочку анисоваго ликера. Какъ у полководца, у него выработанъ планъ до мельчайшихъ подробностей. Только въ одномъ онъ обманулся: колоссальную работу написать 20 томовъ онъ предпо-

лагаль выполнить въ теченіе пяти лѣтъ, въ дѣйствительности же ему пришлось употребить для этого больше 20-ти лѣтъ, потому что при окончательной отдѣлкѣ онъ работалъ въ полномъ спокойствіи и писалъ ежедневно всего только 3 печатныхъ страницы.

Какъ истый полководецъ, онъ ввелъ въ своихъ войскахъ—книгахъ строжайшую дисциплину. Всѣ главы, какъ присягой, проникнуты одной идеей—теоріей наслѣдственности, которую онъ первый ввелъ въ литературу, едва ли оказавъ ей этимъ удачную услугу. Нельзя также не признать, и съ этимъ соглашается даже самъ Масси, что кажущійся научнымъ методъ Зола въ дѣйствительности былъ далеко не научный. Онъ исходилъ изъ произвольныхъ предположеній, принималъ за доказанное то, что еще надо доказывать сегодня. «Наслѣдственность,—говоритъ Зола,—имѣетъ свои законы, какъ тяжесть». Это, конечно, вѣрно, но законы эти далеко не изслѣдованы и во всякомъ случаѣ вліяніе ихъ не такъ просто, не такъ прямолинейно, какъ это онъ представлялъ себѣ. Всѣ его типы отягчены наслѣдственностью съ отцовской или материнской стороны. Но развѣ необходимо, чтобы у больного отца былъ непременно больной ребенокъ? Зола, еще будучи молодымъ, читалъ подобныя вещи въ «научныхъ» сочиненіяхъ незначительныхъ, подчасъ совершенно неизвѣстныхъ авторовъ и безъ разбора, безъ критическаго анализа принималъ все за чистую монету.

Во всякомъ случаѣ мысль, руководившая имъ, была глубока и нова. Несомнѣнно, что оставшаяся неоконченной «Человѣческая комедія» Бальзака побудила его написать исторію Ругонъ-Макаровъ, но обѣ эти серіи романовъ вращаются въ противоположныхъ плоскостяхъ. Бальзакъ предполагалъ соединить въ одно всѣ типическія явленія своего времени, наполнивъ романъ безчисленнымъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ. Зола же, наоборотъ, рѣшилъ ограничиться небольшимъ числомъ дѣйствующихъ лицъ, но они должны были явиться предъ нами въ своихъ логическихъ и фізіологическихъ взаимоотношеніяхъ и находиться подъ вліяніемъ неумолимаго естественнаго закона. Все, что они дѣлали или думали благороднаго или гадкаго, было заранѣе вложено въ нихъ. Они не могли иначе думать, они должны были такъ поступать. Двадцать томовъ его романовъ—яркій протестъ противъ ученія о свободной волѣ человѣка. Человѣкъ рожденъ въ цѣпяхъ, по его убѣжденію, и звонъ цѣпей слышится всегда, когда онъ пытается поднять руку на свою судьбу.

И вотъ происходитъ нѣчто удивительное, что совершенно справедливо отмѣчаетъ Анри Масси. При чтеніи романа Зола «научная» цѣпь исчезаетъ изъ глазъ читателя. Онъ видитъ художественную правду и мало заботится о наукѣ. Но и самъ Зола чувствуетъ, что, несмотря на приданныя имъ своимъ героямъ качества, они должны жить своею жизнью, и это художественное чувство правды служитъ вѣрнымъ проводникомъ въ его предварительной работѣ, которую онъ производитъ съ удивительной добросовѣстностью и систематичностью. Сначала онъ набрасываетъ коротенькій эскизъ, въ которомъ собраны въ зародышѣ всѣ главныя черты задуманнаго произведенія. Въ работѣ онъ то ободряетъ себя, то порицаетъ довольно энергично, причѣмъ всѣ эти замѣтки оставляетъ на поляхъ своей работы. За эскизомъ начинается обрисовка характеровъ. Постепенно выходятъ они изъ-подъ его пера, и каждый онъ оставляетъ развиваться

въ своей обстановкѣ, въ своей средѣ, подъ которой онъ понимаетъ все, чему подчиненъ человѣкъ: климатъ, языкъ, пища, семья, все то, съ чѣмъ онъ непосредственно соприкасается. Когда характеры обрисованы достаточно ясно и надо показать среду, гдѣ они вращаются, Зола пускается въ научныя изысканія. Занимаются ли его герои какимъ-либо ремесломъ или торговлей, онъ отправляется въ магазины, въ мастерскія, входитъ въ мельчайшія подробности, узнаетъ техническіе обороты рѣчи, названія, цѣны, и все это сейчасъ же записываетъ себѣ.

На самый конецъ онъ оставляетъ послѣднее—придумать завязку романа—«trouver le roman», у него такъ и значится въ концѣ плана. Здѣсь для него начинается самая трудная работа. Романтикъ въ душѣ, онъ ненавидѣлъ романтизмъ и всѣми силами боролся самъ съ собой. «Никакой драмы!», восклицаетъ онъ. По первоначальному плану Купо въ «l'Assommoir»'ѣ долженъ на работѣ упасть съ крыши. Зола сначала намѣчаетъ описать эту сцену въ высшей степени драматически, но сейчасъ же исправляетъ и пишетъ: «Нѣтъ, какъ можно проще». И такъ повсюду.

Зола хотѣлъ совершенно отрѣшиться отъ фантазіи, онъ отказался отъ званія поэта и желалъ быть только добросовѣстнымъ протоколистомъ дѣйствительности, списывать жизнь, какъ будто бы это было такое о быденное занятіе! Но чтобы списать, надо умѣть прочесть написанное, а жизнь рисуетъ такими неразборчивыми письменами, смыслъ которыхъ можетъ раскрыть только поэтъ. И Зола могъ это сдѣлать. Онъ доказалъ это своими художественными произведеніями и даже этой колоссальной предварительной работой.

V. Искусство—театръ, музыка, живопись и пр.

Piu che l'amore.—Опера „Ариадна“.

«*Piu che l'amore*». Въ минувшемъ октябрѣ въ Римѣ увидѣло свѣтъ рампы новое произведеніе итальянскаго поэта Габріэля д'Аннунціо, пользующагося у насъ въ Россіи не меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ за границей.

Содержаніе трагедіи подъ заглавіемъ: «*Piu che l'amore*»—(больше чѣмъ любовь),—несложно и въ одной своей части напоминаетъ «Преступленіе и наказаніе». Только мораль, которую выводитъ д'Аннунціо, совершенно противоположна морали Достоевскаго.

Герой пьесы, Коррадо Брандо, сверхчеловѣкъ, одержимъ всякими необузданными страстями и свое личное «я» ставитъ выше всѣхъ законовъ. Послѣ долгихъ странствованій по Африкѣ, гдѣ ему пришлось перенести немало трудовъ и опасностей, послѣ всевозможныхъ приключеній кочевой жизни онъ возвращается на родину въ Италію. Но дома его ничто не прельщаетъ. Душа его рвется назадъ, въ жгучія африканскія пустыни, гдѣ онъ предполагаетъ сдѣлать какія-то открытія, которыя облагодѣтельствуютъ его родину. Слѣсвенныя обстоятельства заставляютъ его обратиться къ помощи государства и ученыхъ собраній, но всѣ хлопоты и усилія разбиваются о малодушіе и ограниченность итальянскаго общества. Ученые мужи на его доводы задум-